

Короткая песня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

Короткая песня. Василий Владимирович Быков

Через широкое ржаное поле по пыльной дороге-большаку медленно катилась одинокая повозка с тремя седоками. Поодаль на красивом вороном коне ехал всадник, изредка покрикивая на сидевших в повозке. Те, похоже, не откликались. Молодой полицай в черной немецкой пилотке, свесив ноги, сидел в передке телеги, слегка дергал вожжи, подгоняя рыжую, взмокшую от пота лошадку. Девушка Зина с почерневшим от горя лицом мало что замечала вокруг. Видела только искаженное гримасой боли лицо раненого, лежавшего на боку рядом с ней. Повозка на неровной дороге то и дело вздрагивала, вынуждая его, напрягаясь, сжимать обветренные губы.

– Больно, Федя? – тихо, почти беззвучно спрашивала девушка, и раненый в ответ лишь молча кивал головой.

Утром, когда Зина перевязывала ему ногу, Федор старался не смотреть на рану, – стиснув зубы, терпел. Он сразу понял, что дело его дрянь – голень раздроблена, ему уже не подняться. Зина торопливо обернула ногу окровавленной, вытянутой из сапога портянкой, но про рану ничего не сказала. Дрожала, словно в ознобе, и раненый лишь растерянно цедил сквозь зубы: ничего, ничего... Конечно, чтобы успокоить ее, потому что самого уже ничто не могло успокоить. Мало того что нога, так еще и плен. Поодаль, у ограды, с направленной на них винтовкой стоял полицай; другой на телеге въезжал за ними на гумно.

Когда дорога пошла вниз с пригорка и лошадь побежала трусцой, боль стала и вовсе невыносимой. Так и подмывало закричать, выругаться, но Федор молчал, ясно сознавая, что кричать поздно, следовало раньше думать. Сзади за повозкой припускал рысью старший полицай – плечистый, командирского вида мужчина в кирзовых сапогах. Тоже, наверно, из военных, подумал Федор. Не успели застрелить, а сапоги его этот уже присвоил... Солнце в безоблачном небе к полудню безжалостно палило склоненные плечи раненого, его стриженую голову без шапки. Соленый горячий пот стекал по загорелым щекам, под мышками и на груди взмокла гимнастерка. Руки были туго схвачены сзади ременной супонью.

Зина маленькими шершавыми ладонями вытирала его мокрый лоб – ей руки пока еще не связали.

– Скоро приедем? – спросил раненый. Девушка не ответила. Будучи неместной, она также не знала, как далеко местечко, куда их везли. Окликнула парня-полицая, с виду вряд ли старше ее – бледнолицего, с худой длинной шеей, покрытой сзади светлым пушком:

– Ты! Местечко далеко?

– Близо, – не оборачиваясь, буркнул полицай.

Где-то над ржаным полем слышалась беззаботная песня жаворонка, Зина взглянула вверх, но поблизости ничего не увидела. Только вспомнила, как вчера по дороге из пуши их также долго провожал жаворонок. Тогда это показалось ей добрым знаком – к удаче. Оказалось – к несчастью.

Какое-то время спустя на склоне пригорка их обогнали две громоздкие немецкие машины с брезентовыми кузовами. В кабине первой машины сидели три немца в военной форме. Конный полицай услужливо козырнул им, лихо бросив два пальца к черной пилотке. Когда повозка выкатилась из тучи поднятой машинами пыли, Федор рассеянно оглянулся – нет, партизан здесь не было. Да и откуда им здесь взяться? Их отряд теперь в Кривулевском лесу, вчера они оставили его, направляясь по вызову штаба в Лисичевскую пушу. И он, безмозглый идиот, понадеясь на ночь, поехал напрямик. Уже имел какой-то опыт, знал, скольких погубил этот партизанский “прямик”, а вот не удержался, поехал. Да еще взял Зину. Не хотела без него оставаться в отряде, которым на несколько дней заступил командовать Лыков. С Лыковым у нее завязывались некие (ненужные) отношения, и Федор подумал: пусть едет, скоро вернется.

Плохая дорога была на размытых дождями глинистых склонах, не лучше – в ложбинах с затвердевшими колдобинами. Уставшая лошадь замедлила и без того не шустрый свой шаг. Молодой полицай хлестнул ее вожжами, повозка дернулась, и Федор не удержался, вскрикнул от боли.

Короткая песня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– А тише нельзя?

Напрасно, однако, не сдержался: услышав его, конный полицейский подъехал к повозке.

– Чего это – тише? Больно? Подожди – еще не так больно будет...

Он сказал это, однако, без особой злобы, так, с легкой солдатской издевкой. На такое не обижаются, не обиделся и Федор.

– Что – немцам сдать? – спросил он сквозь зубы.

– Сдам, а как же, – охотно согласился полицейский. – Как полагается.

– И много уже сдал? – нервно спросила Зина.

Полицейский заулыбался – всем своим красивым, свежепобритым лицом.

– Не много. Тебя первую.

Нетерпеливо стегнув вороного, он проехал вперед, но скоро вернулся.

– Жалко мне вас, – сказал уже без улыбки. – Повесят!

– Вешать ты будешь? – помедлив спросил Федор.

– Может, и я. Такая служба. Что советская, что немецкая – разница невелика. Правда, при Советах командиром был. Но и тут старший полицейский.

– Больше повесишь – офицером станешь! – с вызовом бросила Зина, и Федор негромко одернул ее:

– Ладно ты. Тихо...

Федору в общем был знаком этот тип полицейский, таких он уже видел. Наверно, из окруженцев, немало которых разбрелось летом сорок первого по деревням и хуторам, осело на хлебниками в сколько-нибудь зажиточных крестьянских хозяйствах. Некоторые успели и прижениться на хозяйских дочках или молодых вдовицах. Еще недавно сам был таким, после Слонимского котла прибил к дядьке Зарембе – ждал осени, когда вернется Красная армия. Но Красная армия все отступала, и он готов был пересидеть там зиму. Тем более что дядька не прогонял, а дядькина дочка, похоже, даже влюбилась в советского командира, дармового работника. Его жена с малым сынишкой оказалась неизвестно где, он даже не знал, удалось ли им вырваться из Белостока, где они квартировали перед войной. Скорее всего погибли. И он раздумывал, как ему теперь быть, – не жениться ли на Зарембовой дочке? Но накануне нового года немцы начали регистрацию таких вот примачков, надо было ехать в район, в полицию, или уходить куда-либо. И он вместе с такими же окруженцами, осевшими в соседнем хуторе, счел за лучшее податься в неприятный декабрьский лес. С этого и началось его партизанство, которое так нелепо заканчивалось.

Ржаное поле тем временем осталось позади, большак сворачивал в лес. По обе стороны пошли сосны с подлеском, все там утопало в желанной зеленой тени; на большаке здесь было жарче, чем в поле. Полицейский подъехал ближе к повозке, будто боялся отстать, и Федор разглядел на нем диагональные галифе с узеньким красным кантом. Недавно еще сам носил такие же.

– Пехотинец? – спросил он полицейский.

– Пехота, так точно, – охотно ответил тот и насупил чернобровое лицо. – А ты из авиации? Или из политруков, может?

“Тебе не все равно?” – подумал Федор. Говорить с ним не хотелось – болела нога. Наверно, поняв его состояние, полицейский сказал вроде даже с сочувствием:

– Это не я по тебе пальнул. Это – Авдюшко. Меткий стрелок.

– А ты не меткий?

Короткая песня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Я не-ет. Семь из десяти выбивал в тире.

– Лейтенант? – наугад спросил Федор.

– Старшой, – шутовски приосанился в седле полицай, и Федор удивился – он также был старшим лейтенантом. Кстати, спросить можно о довоенной службе, но промолчал, чувствуя, что и здесь могут быть неожиданности. А неожиданностей сегодня ему хватило. Зато, видать, не хватило его конвоиру.

– А ты не в Белостоке служил? – поинтересовался тот, и Федор невольно кивнул. – Я тоже, – вроде обрадовался полицай. – В Понкратовском полку, наверно, знаешь?

Как не знать? – подумал Федор. Этот полк был соседним в их дивизии и размещался в старых казармах на окраине города. Возможно, они даже встречались где-нибудь на совместных учениях или просто в городе. Хотя что это теперь могло значить для них, ставших врагами?

Хлестнув поводьями по конской шее, полицай проехал вперед, оглядываясь по сторонам. В лесу было тихо и покойно. Утихший к полудню ветер не шевелил ветвями, неподвижно стояли разомлевшие от жары сосны. Внизу под ними дремали березки, кусты орешника, нечастые здесь рябинки. Из лесной чащи тянуло смоляным ароматом, перебивавшим на большаке удушливый запах нагретой пыли. Большак впереди и сзади казался пустым, поблизости в лесу никого не было. Федор вдруг подумал, может, стоит попросить полицая? Хотя надежда и слабая, но все же...

Когда тот оказался ближе к повозке, Федор негромко сказал:

– Слушай, отпусти дивчину.

О себе он уже не просил, его судьба с сегодняшнего утра просто безнадежна. Но Зина... Погибать ей в девятнадцать лет неестественно и несправедливо. Тем более в том, что она оказалась на гумне, больше был виноват он. Впрочем, как и в партизанах тоже.

Поллицай сразу согнал с твердого лица игривую усмешку.

– Как это – пусти? За так?

– Что значит – за так?

Вообще-то Федор догадался, что он имеет в виду, сделав, однако, вид, что не понимает. Он не смотрел на Зину, но сразу почувствовал, как та недобро замерла.

– За поцелуй, может и подумаю, – ухмыльнулся полицай. – Если по-хорошему, без гвалта.

Соскочив с коня, он подошел к телеге с той стороны, где сидела Зина. Та боязливо отпрянула, подавшись к Федору.

– Не бойся, не укушу. Ласку сделаю. Слазь!

– Я не слезу, – надрывным голосом отозвалась Зина и снова замерла возле раненого.

– Ну, не хочешь – как хочешь, – полицай перебросил поводья коню на шею. – Завтра повесят. Вместе с твоим хахалем. Это же хахаль, да?

– Не твое дело! – крикнула Зина, не трогаясь с места. Федор ощущал ее горячее тело, которое стало мелко и нервно трястись. Какое-то время они молчали, и молодой полицай дернул вожжами – но-но! Лошадка двинулась живее, боль пронзила измученное тело раненого.

– Шкутенок, не гони! – сказал полицай. – Бандиту больно.

Шкутенок и правда придержал коня, а Федор подумал, что лес этот может скоро кончиться, надо на что-то решиться.

– Слезь, Зина, – тихо сказал он.

– Нет! – вспыхнула она и ненавидящим взглядом смерила его. От этого взгляда у него, казалось, потемнело в глазах.

– Слезь, – бесстрастно повторил он.

Должно быть, она поняла все и на этот раз смолчала. Он также больше ничего не сказал. Может, и не надо было ему так говорить. Но... Он не мог примириться с мыслью, что она с фанеркой на груди будет висеть в местечке на виселице – такая славная, молодая и красивая. И фигурой, и лицом с ямочками на щеках и по-мальчишески растрепанными волосами. Он любил ее, как можно было любить на войне – снисходительно и безнадежно. А больше?.. Если бы он мог, если бы не это ранение! По сути и эту пулю в голень он получил, спасая ее. Хотя и неудачно спасал... Погубил их обоих, судя по всему, его ординарец Казаченок, заступивший караулить под утро, пока они спали. Но куда он делся, они так и не поняли, возможно, перебежал в полицию. А может, просто задремал за углом или свалился в бурьян с ножом в спине. Как бы там ни было, они оказались застигнутыми спросонку. Когда полицаи ломанули ворота, Федор выпустил очередь из автомата и спрыгнул в крапиву. Зина не успела. Она осталась на сеновале, а он бросился в другую сторону, где и получил пулю.

Зина была не первой из женщин, которых он любил, но Федор был у нее первым, что само по себе важно. И для него, и для нее тоже. Разве что пора их любви выпала на страшное время, когда столько усилий уходило на то, чтобы не дать себя убить, как-нибудь выжить. И это оказалось мало возможным. Для него так и невозможным вовсе. Может, хотя бы повезет ей... Если полицаи в самом деле отпустит. Если бы все обошлось по-хорошему. Но по-хорошему, пожалуй, не выйдет, подумал он, зная ее характер.

По всей видимости, полицаи ждал, расслабленно шагая рядом с телегой и как-то странно поглядывая на девушку. Изредка на Федора тоже. Но те молчали, и полицаи негромко скомандовал своему молодому помощнику:

– Шкутенок, стой!

Шкутенок остановил лошадь, а сам оставался неподвижно сидеть с вожжами в руках. Он не повернул даже голову, чтобы увидеть, что могло произойти сзади.

– Ну! – требовательно подступил полицаи к Зине. – Ты уже ему не понадобишься. Его песенка спета. А ты такая молодая, раскрасивая, жить хочешь? Пошли, ну?

Девушка вроде стряхнула с себя неподвижность, бросила последний взгляд на окаменевшее лицо Федора. А он прижмурил глаза, чтобы не видеть ее, молчал. И она решительно соскочила на дорогу.

– Пошли. Вон туда, под березки, – кивнул полицаи, накинув повод на край телеги.

Он взял ее под локоть, и она вяло, будто спросонку, пошла с ним – через дорогу в редкий молодой березнячок. Федор не глядел туда. Он вообще старался ничего больше не видеть и опустил веки. Очень болела нога, боль расползлась все выше, к бедру. А в душе его уже поселилась другая боль, может, и не такая острая, но и не менее мучительная. Младший полицаи слез на дорогу, принялся поправлять на лошади сбрую, где что-то не заладилось, и тихо, про себя ругался. Это был совсем еще молодой парень, наверно недавний школьник, худой и длинный, одетый в темный, явно с чужого плеча пиджак. На рукаве белела сползшая к локтю повязка с готической надписью "Hilfspolizei". Похоже, этим еще не выдали формы, и они ходили кто в чем. На плече он неловко придерживал русскую драгунку с веревкой вместо ремня. Молчаливо-сосредоточенное выражение его худого лица не располагало к разговору, и оба молчали.

Зина ступала по песку, не ощущая под собой дороги, все перед ее глазами плыло и качалось. Может, она бы и упала, если б полицаи твердой рукой не поддерживал ее. Но она и не вырывалась: ее воля была парализована не столько наглым бесстыдством полицаи, сколько убийственно бесстрастными словами Федора. Он отдавал ее... Не на смерть даже – он отдавал ее другому. Значит, отрекся, обособился от нее, послал на позор. Сколько раз она думала-представляла, как погибнет вместе или рядом с ним – от пули или от разрыва мины. Но всегда вместе – это казалось главным, потому что любила его. Да вот получилось, что он посылал ее губить их любовь, да

Короткая песня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
и ее тоже.

А может, он считает это и правильно, все-таки мужчина и к тому же командир отряда. Сколько он может спасти, заступаться, оберегать ее на этой ужасной войне? Не достаточно ли того, что уже спас ее однажды, когда подорвали состав на разъезде... Было предзимье, выпал первый снежок. Пятеро подрывников забрели в их крайнюю в поселке хату, где Зина с родителями и младшим братишкой жили с довоенного времени. Ребятам надо было обождать до полуночи, и они расположились в хате. Мама кормила их картошкой с салом, но они ели мало, курили и заметно волновались. Лишь один, старший, подмигивал ей смешливо, и Зина недоумевала: с чего бы так? Когда уходили ночью, он же сказал Зине, что лучше ей здесь завтра не быть, куда-нибудь отлучиться – к родне или подруге. И она послушалась, ушла к соседке. Утром на разъезд прикатила дрезина с жандармами, те быстро окружили хату, забрали родителей, братика. А она, давясь плачем, смотрела через окно соседки и ничего не могла. Неделю спустя, когда эти снова пришли на разъезд, она ушла с ними в лес, Федор не оставил ее.

Но ведь и она его не оставила, не убежала утром, хотя и могла это сделать. Но и не могла, потому что увидела, как он с простреленной ногой свалился в крапиву. Так почему же он здесь отвернулся от нее? “Слезь”, – она и слезла. Потому что была убита одним этим его словом.

Она не противилась и не защищалась, когда полицейский навалился на нее и захрапел, словно бугай на случке, ей было уже все безразлично, только больно и гадко. Правда, он скоро и отвалился, а она, сев на траве, тупо глядела перед собой. Не знала, что этот бугай скажет, или, может, застрелит ее... Пускай бы стрелял, только поскорее отошел от нее с этой своей потной, тошнотворной вонью. Но он не торопился ни стрелять ни уходить, – подтянул штаны, поднял с земли винтовку. Не смотрел на нее, как и она старалась не глядеть на него и видела только знакомые пыльные сапоги Федора. Когда он отошел поодаль, она все сидела в растерянности, не зная, что делать, и тогда услышала:

– Эй, Шкутенок, иди! Твоя очередь! – крикнул полицейский, затягивая на штанах ремень и направляясь к дороге.

Эти слова будто пронзили ее – еще и этот! И этот сопляк тоже... Она невольно попыталась подняться, прежде чем Шкутенок перепрыгнет канаву, но тот почему-то медлил. И вдруг, молча вскинув винтовку, выстрелил. Показалось – в нее, но полицейский у канавы дернулся и молча осел в пыльный бурьян.

– Беги! – глухо крикнул Шкутенок, бросившись к оседланному коню у повозки.

Наверно, следовало бежать, но она не убегала. Когда на дороге послышался стук лошадиных копыт под Шкутенком, выбежала на большак. Федор уже что-то кричал ей, но она не понимала – вскочила в повозку и схватила вожжи. Одна вожжа попала между ног лошади, высвободить ее оттуда было невозможно. Зина закричала, замахала на лошадь, и та вяло потрусила краем дороги.

Рядом в телеге что-то сдавленно кричал Федор.

– Смотри в сторону... Смотри в сторону... Она не сразу поняла, что им нельзя большаком, надо сворачивать в сторону.

Куда исчез Шкутенок, и не заметила...

Какое-то время Зина гнала повозку по большаку, пока не увидела спрятавшийся в зарослях боковой съезд. Наверно, она чересчур круто повернула повозку, и раненый со связанными руками едва удержался, чтобы не вывалиться из нее. Развязать его пока не было возможности, и он лишь крепче сжимал зубы от беспрестанных толчков телеги на выбоинах и корнях деревьев, тесно обступивших узкую лесную дорожку. Только когда повозка оказалась в густом, нависшем над дорогой ольшанике, хрипло выдохнул:

– Развяжи...

Не узнав его голоса, Зина дрожющими пальцами принялась развязывать его руки. Усталая лошадь нерешительно остановилась.

Короткая песня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Конец туго затянутой веревочки девушка ухватила зубами, и скоро Федор вольно развел затекшие руки.

Они оба молчали, разговаривать не хотелось – тем более о том, что произошло на дороге. В сознании еще горел страх – в любую минуту их могли здесь настичь. Схватив из-под ног хворостину, Зина принялась молча погонять лошадь. Неохотно подчиняясь женской руке, та лениво бежала по едва заметной в траве дорожке. Дорожка долго виляла в зарослях, но куда вела, было неизвестно. Если в какую-то деревню, это не годилось, им следовало избегать людей. Так случилось, что в их безысходности блеснул луч надежды, который невозможно было потерять.

Но прежде в лесу они потеряли дорогу. Вроде была – они ехали по ней – и где-то незаметно пропала. Под колесами стелился мягкий зеленый мох с ягодниками, стал гуще подлесок. Наконец колесо зацепилось за гнилой пень, повозка остановилась. Вокруг негусто стояли старые сосны, но заросли ольшаника не давали проехать дальше, и Федор сказал:

– Распрягай...

Зина помогла ему слезть с повозки, потом принялась распрягать лошадь. Делала она это впервые в жизни, – до войны, живя на станции, с лошадьми дела не имела. Хуже всего было рассупонить хомут, тугой ремешок супони долго не поддавался ее рукам. Кое-как развязав его, девушка с немалым усилием стащила через голову лошади тяжелый хомут. Все это вместе со шлей и седелкой бросила в повозку. Федор на одной ноге прискакал к лошади, на которую она, подставив ему спину, помогла взобраться.

Превозмогая слабость и боль, он неуклюже уселся верхом, отставив в сторону раненую ногу и обеими руками держась за лошадиную гриву. Зина осторожно повела лошадь вглубь леса.

Шло время, вокруг было тихо, и помалу они стали отходить от пережитого. Из их смятенных ощущений уходил страх, его место занимало успокоение. Неуверенное, тревожное успокоение, дававшее, однако, передышку в непрерывном ожидании новой опасности. Нога у Федора по-прежнему остро болела, с пальцев стопы и набрякшей кровью портянки то и дело капала кровь. Он старался терпеть, опасаясь потерять сознание и упасть, – все же крови за день, наверно, потерял много. Зина его вряд ли подняла бы. Да и стала бы поднимать вообще? Происшедшее на большаке уже встало между ними недоброй стеной, в отношения вползла мрачная тень отчуждения. Редкие слова утратили прежнюю искренность, становились чужими, отстраненными. Но разве в том кто-нибудь из них виноват? Федор не чувствовал себя виноватым, обретая робкую еще возможность спастись.

Хотя и тусклую, призрачную возможность, за которую не слишком ли дорого было заплачено. А возможно, и чересчур дорого...

С хвойного лесного пригорка начался покатый склон вниз. Вокруг погустел ольшаник, Федору то и дело приходилось уклоняться от сучьев широко разросшегося орешника, оберегать раненую ногу. Откуда-то потянуло лесной прохладой, возможно, недалеко протекал ручей или было болотце. Раненому очень хотелось пить, но он молчал, молчала и Зина. Она все дальше и дальше вела за собой лошадь, которая, отмахиваясь хвостом от мошкеры, устало брела за девушкой. Пока не остановилась.

– Что? – спросил Федор, словно пробуждаясь от забытья.

– Похоже, болото, – неуверенно сказала Зина.

– Помоги слезть.

Она помогла, опять подставив ему спину, плечо, и он, опершись о них, грузно свалился в лесную траву. Окровавленная повязка на ноге едва уже держалась, с грязных пальцев, не переставая, стекала кровь. Зина молча стащила с себя темную жакетку, сняла синюю, в мелкий горошек кофточку. Лифчика под ней не оказалось, и Зина стеснительно заслонялась локтями, пока рвала кофту на полосы. Федор лишь взглянул на нее и тут же отвел взгляд, – видеть ее такой ему было теперь неловко. Наверно, почувствовав это, она торопливо надела жакет, потом молча туго обмотала его голень. После перевязки раненому вроде бы стало легче, главное – унялась кровь. Разговаривать оба избегали, избегали и взглядов в лицо друг

Короткая песня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
другу. Перевязав, Зина поднялась с земли.

– Поищу воды...

И скрылась в зарослях ольшаника. Потная лошадь сразу стала пастись, пощипывая траву. Федор хотел сказать, что лошадь следует привязать, но не успел и подумал: пусть. Может, лошадь никуда не уйдет, травы здесь хватает... И сторожко замер на боку, предаваясь своей все разрастающейся боли.

Отмахиваясь от беспрестанно зудящих комаров, Зина долго продиралась сквозь колючие заросли ожины, перешла высокий, в рост человека малинник. Ручья, однако, нигде не нашла. Под ногами мягкий зеленый мох, но вода из-под него не проступала, наверно, здесь все давно высохло. И она изменила направление – свернула в смешанный с корявыми березками ольшаник, из которого несло неприятным запахом дурнопахля. Сосен поблизости не было, хвойный бор оказался в стороне, скоро под ногами опять стало твердо и сухо. Может, болото осталось сзади?

Ей необходима была вода, ручей или хотя бы какая-то лужа. Она уже знала, как страдают лишенные воды раненые, иные оттого и погибают. Месяц назад в стычке под станцией остался раненый партизан Салахович, который пролежал на жаре в поле до вечера. Когда стемнело, пришедшие за ним ребята нашли его мертвым. Днем, видно было, грыз землю, так измучился от жажды. Хорошо, что Федор не на жаре, но все же... Как спасти его дальше, она не знала. Куда податься из этого леса, в какую сторону? Наверно, поблизости есть какая-нибудь деревня, но можно ли им соваться в незнакомое место? Уже сунулись прошлой ночью... Будто предчувствуя скверное, Зина не хотела туда заходить, но усадьба, показалось, на отшибе, у самого леса. Вроде и не в деревне даже. Ночью прошел небольшой дождик, они немного промокли на лесной дороге. А главное – так заманчиво было часок-другой отдохнуть на свежем сене. Почти наедине. Два его ординарца – Казаченок и Раецкий должны были по очереди караулить снаружи. Но не укараулили. Раецкого убили сразу, как только он выскочил из ворот, – ткнулся головой в траву и затих. А куда девался Казаченок, они и не заметили. Наверно, и она бы осталась там, если бы не Федор. Не сразу проснувшись, не успела выскочить за ним, когда тот скатился с сена. Она замешкалась, и к ней уже подбирался полицай, все тот же бугай в пилотке, пытаясь схватить за ногу. Но Федор выпустил очередь, и полицай бросился из пуни. Оба они тоже уже выскочили, но не успели отбежать к кустам, Федор свалился с пулей в ногу. И она остановилась.

Тогда он спас ее, а потом? Но что – потом? По существу спас и в другой раз. Или нет – другой раз погубил, отдал полицая. Наверное, так. А может, все же и не так? Как все это неясно и запутанно. Теперь и не понять даже...

Она любила его давно, с тех пор, как он стал командиром отряда и перебрался из Староселья в Бельничскую пушу. Она работала в отряде с фельдшером Матузенком, подсобляя тому, как санинструктор в армии. Матузенок был человек в годах и в отношениях с ней никогда не позволял себе лишнего – все всерьез, сухо и просто. Но Матузенка убили при переходе железной дороги под Зябками, и его санитарная сумка перешла к Саманкину, ставшему ее новым начальником. Этот выглядел гораздо моложе прежнего и был совсем другой нравом – насмешник и приставала. Все норовил шлепнуть ее по заду или ухватить спереди, ей было стыдно перед ребятами. Однажды она попросила перевести ее во взвод подрывников, но командир Федор лишь рассмеялся – какой, мол, из тебя подрывник, еще сама себя подорвешь. И приказал перейти в резерв, – на ночь перебраться в его шалаш. А там видно будет.

Она и перебралась. Только не на ночь или две, а на все три месяца.

Вообще он был хороший, их командир Федор. Не такой, как всегда чем-то недовольный Матузенок или приставала Саманкин. Недели две с того дня, как она поселилась в его шалаше, он ни словом, ни пальцем не тронул ее. Она старалась как можно меньше там находиться – попозже придти, когда командир уже спал, и утром пораньше вскочить на ноги. Весь день проводила с ребятами, если те не ходили на задания. В то время, еще до блокады, задания были не очень опасные – преимущественно продуктовые заготовки. Приходили ночью в деревню, выводили из хлева корову или двух сразу. А то забирали кожухи, сапоги – обувь же у всех разваливалась. У кого брат, подсказывали свои люди в каждой деревне. Они же рассказывали, у кого гналась самогонка, – брали и самогон. А то расстреливали старост – деревенских дедков. Помогают из хаты, заведут за гумно и стреляют. Чтоб другие боялись. А если у кого полицай в семье, так тем достанется. Самого

Короткая песня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
полицая, конечно, не поймать, тот в гарнизоне, зато родители, сестры – дома. У этих забирали все под метлу: скотину, одежду, хлеб. Нередко сжигали и хаты. Посмотришь ночью – если за лесом полыхает, все уже знают: это ребята мстят немецко-фашистским захватчикам.

Так продолжалось до весны, когда их отряд перебрался под Езовно, к большому болоту. Кажется, там имели намерение пробыть дольше, оборудовали землянки. Прежде всего для начальства и штабную. Командирскую и вовсе неплохо, обшили тесом, смастерили кровати – для комиссара и командира. На одной из них и свершился ее неписанный брак с командиром, с ее Федором. Эх, Федор, Федор, любимый Федор Иванович!.. Зачем же ты так?

А что ж – лучше качаться в местечке на одной перекладине рядом? Разве что – рядом, в том и все утешение. А так вот – спаслись.

Но как спаслись? И зачем спаслись?

Зина в отчаянии упала на траву под кустом орешника и заплакала. Плакала беззвучно, давясь безысходностью и горем, не зная, как пережить случившееся. Плач накатился внезапно, вроде внезапно и прекратился, она приходила в себя. Ладонями вытерла мокрые щеки и села. Что было делать?

И тут она услышала голос – вроде бы кого-то звали, вроде женщина, что ли? Сначала испугалась, потом подумала: а вдруг? Женщина – не мужчина, в такое время на женщину больше надежды. Вдруг поможет.

Но нет – голоса скоро смолкли, воцарилась тишина. Впереди перед ней откуда-то появилась пара бабочек – красивых лесных созданий с двумя фиолетовыми глазками на распростертых крылышках. Когда-то в школьные годы брат отлавливал таких на лугу, собирал коллекцию, и она с ним ругалась. Ей было жаль этих эфемерных лесных созданий, проткнутых на картонке булавками. Шустро порхая между деревьев, бабочки словно указывали ей путь, и Зина пошла за ними, прислушиваясь.

Кажется, она слишком долго пробиралась в зарослях мелколесья – ольшаник, кусты лозняка, молодой березняк. Перелезла через поросли буйной, с махрами крапивы, обстрекала ноги. Завалы сухого хвороста на старой вырубке обошла стороной, хотя обходить пришлось далеко. В неглубоком овражке между камней вдруг обнаружила ручеек. Едва заметная в траве, тихонько журчала прерывистая струйка воды. Зина обрадованно присела возле, окунула руки. Вода была чистая и холодная, это ее обнадежило, – надо было возвращаться за Федором..

Оставшись один, Федор со стоном вздохнул, теперь можно было не сдерживаться. Нога болела все больше, казалось, распухла до колена и выше, уже не мог шевельнуть пальцами. Так можно дождаться и гангрены, обеспокоила его внезапная мысль. Тогда и счастливое освобождение окажется не в радость, – горестно подумал он.

Голодная лошадь усердно щипала траву, все дальше отходя в кустарник. Опасаясь, что она уйдет, Федор подполз ближе и ухватил волочащийся по земле повод. Лошадь вырваться не стала, и Федор с поводом в руке лег рядом.

Он лежал на истоптанной копытами траве, свободной рукой отмахиваясь от взлютовавших к вечеру насекомых, и ждал Зину. Но Зина не шла, а в нем все пересохло от жажды, горело в груди. Наверно, можно было бы успокоиться, отойти от пережитого, осознать главное – все-таки они спаслись. Но радость спасения все больше омрачалась сознанием того, что произошло с Зиной. В их спасении чего-то он не учел, сделал не так, и все получилось скверно, по-видимому, неправильно. Хотя именно эта неправильность и спасла обоих. Но, избавившись от одной беды, они вплотную столкнулись с другой – он терял Зину.

Не до конца, однако, осознав случившееся, он приходил и к другой мысли: а стоит ли переживать, сомневаться, не лучше ли придушить в себе скверное чувство и окончательно увериться – им повезло. Наибольшим из возможных на войне везений – они обхитрили смерть. Какой ценой – это другое дело. Хотя в их случае вряд ли какая цена могла оказаться чрезмерной. Хотелось так думать. Но почему-то не думалось.

Не думалось, возможно, потому, что между ним и Зиной встало еще двое – полицай и

Короткая песня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Шкутенюк. Полицай – это в общем понятно, но кто этот Шкутенюк? Почему он застрелил напарника? Чтобы спасти их? В это не верилось. Да и как он объяснит в бригаде странную причину своего спасения? Кто поверит, что все здесь случайно и нет тайного умысла. Все случайное – подозрительно, особенно на войне. А главное – как теперь к нему отнесется Зина? Да и понадобится ли ему после всего, что свершилось, какое-то ее отношение? Чтобы начать все сначала или продолжить прежнее? То светлое и хорошее, что само собой произошло между ними и чистой радостью жило несколько последних месяцев? Наверно, прежнего не получится. Зина, пожалуй, станет другой, вряд ли сумеет переступить через женскую свою обиду. Женщина, что некогда была твоей и стала не твоей, снова твоей не будет. Он это знал по собственному мужскому опыту и мог бы вспомнить опыт других.

Он сам виноват. Случилось так, что перед лицом гибели пренебрег любовью. А она? Похоже, и она тоже. Послушалась его, пошла с полицаем. А могла и не пойти. Другое дело, чем бы кончилось ее непослушание. Скверно кончилось бы, это точно.

Он себя успокаивал, и вроде это ему удавалось. Сначала немного, потом все больше. Нечего колупаться в душе – пока не погibli, думал он. Придет Зина, будут пробираться дальше. Может, как-нибудь доберутся и до Кривулевского леса, где остался отряд. Только бы напиться воды. Жажда мучила его, казалось, не меньше, чем рана. В чем только принесет воды Зина?

А если она не придет вообще? Что-то слишком долго где-то блуждает. Или поблизости воды не оказалось? Или оставила его?.. Прошло подозрительно много времени, а Зина не возвращалась. Солнце низко склонилось над лесом, вокруг все ширились – сливались вечерние тени – от сосен, берез, темных кустов можжевельника. В зарослях сумерки казались гуще; от травы стало отдавать сыростью и прохладой. Становилось зябко. Федор все чаще вздрагивал, как от озноба, возможно, поднимался жар. Или это – от мокрой, не просохшей от пота гимнастерки?

А вдруг Зина приведет полицаяев?

Эта нелепая мысль тем не менее почти испугала его, вынудила обеспокоиться в поисках выхода. Но что он мог предпринять? Было бы оружие – мог бы недаром умереть. А так... Возьмут, как щенка, за корень и повесят на местечковой арке. До войны, в праздники там выставляли убранные цветами портреты вождей, а теперь будут вешать людей. (Удобные, однако, эти арки – на все годятся). Людей до войны не вешали – где-то тайком расстреливали или ссылали на Север. У него расстреляли брата-инженера. Наверно, по этой причине самого уволили из кадров и призвали только с началом войны. В особом отделе обо всем знают, сам рассказал. Попробуй не рассказать, что-нибудь скрыть, себе дороже обойдется, как говорил в отряде партизан-одессит. Поэтому приходится воевать – и за себя и за брата. Оплачивать неоплатный долг. Да и за семью тоже. А теперь еще и за Зину...

Скоро в кустах стало темнеть, надвигалась ночь. Зины все не было. В душе разрасталась тревога – что случилось? Или – она, или – ее? Может, полезла куда-то и ее поймали. Если отошла далеко...

А может, действительно не захотела вернуться?

Небо над замершими к ночи вершинами сосен еще таило в себе отсвет угасшего дня, а лес уже погрузился во тьму. Беспокойство все больше охватывало Федора – что делать? Но что он мог сделать? Лежал на уже отсыревшей к ночи траве, держал в руке повод. Лошадь беспрестанно дергала – тянула в кусты, к свежей траве. Не отпуская повод, он думал, что надо отсюда смыться, не дожидаясь Зины. Если не пришла к вечеру, то вряд ли придет вообще. Ночью она его не найдет. Заблудится. Если даже станет искать.

Взобраться на лошадь было трудно, и он долго примеривался, как это сделать. Словно в детстве, когда отводил отцовскую лошадь в ночное. Но тогда было про-

сто – подвести ее к изгороди, с которой легко вскочить на их Рыжика. Здесь не было ни изгороди, ни удобного дерева, ни подходящего пня. Хорошо, что лошадь оказалась немолодой, вроде спокойной. Она покорно позволила Федору опереться на ее передние ноги, и он поднялся, перебросил через ее голову повод. Стоя на здоровой ноге, держался за хребет лошади. Но с первого раза вскочить не смог, не хватило силы, и он свалился наземь. Недовольно переступив задними ногами, лошадь

Короткая песня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru отошла в сторону. Лежа на земле, Федор корчился от боли.

Подождав, пока уймется острая боль, попробовал взобраться снова. И снова неудачно.

Только после четвертой или пятой попытки удалось подскочить выше и он осторожно перенес через лошадиный круп налитую болью ногу. По стопе, чувствовал, поползла струйка крови.

Куда в ночном лесу ехать, было неизвестно. Вперед, куда ушла Зина, не пробраться – мрачная стена кустарника преграждала путь. Дорога назад была вроде свободнее, и туда незаметно повернула лошадь. Федор отпустил повод – пусть идет, куда хочет. Сам согнулся как можно ниже, чтобы меньше цепляться за ветки, бережно подобрал раненую ногу. Было больно и чертовски неудобно, он мог свалиться. Словно понимая бедственное положение всадника, лошадь осторожно пробиралась в темноте. Нигде не запуталась в зарослях, не наехала на лесную рогатину. Неожиданно для себя Федор ощутил благодарность к этой заезженной крестьянской труженице. Чем он отблагодарит ее? Даже не дал попасться вволю...

Федор ждал, что лес вот-вот кончится и он выедет в поле. Но лес не кончался, вокруг простирался мрак, вверху меж хвойными вершинами пятнами просвечивало ночное небо. Казалось, он бесконечно долго ехал какой-то полузаросшей стежкой, возможно, заброшенной лесной дорожкой. Вокруг было спокойно, лес не шумел. Птицы уже не пели и ничто не нарушало настороженной тишины леса. Лишь однажды какая-то сонная птица, захлопав крыльями, пролетела над ним, и все вокруг снова затихло.

Со временем, однако, его решимость уехать из леса стала ослабевать. Появилось желание вернуться – туда, где его оставила Зина. Но этот ночной путь без следа растворялся во мраке – ничего ни вернуть, ни узнать в лесу было невозможно. Наверное, как и в жизни тоже. Прошедшее неподвластно человеку, ничего уже изменить нельзя. Разве что в будущем и, может быть, в будущем – у того, у кого оно есть. Что до Федора, то его будущее всегда выглядело сомнительным. И до войны, и в войну. Теперь бы выбраться ему из этого мрачного, неприятного леса, который днем спасал, а теперь может погубить его. Все с большим беспокойством он ощущал, что едет неизвестно куда.

Но и куда ему ехать, если Зина осталась в лесу? Наверняка будет его искать. Прежде сомневался в этом, но постепенно понял – будет искать. А он смылся...

Федор уже перестал думать о ней плохо. Это он виноват во всем, что случилось, и вот он покидает ее. Уходит из леса и от нее тоже. Это было бы ужасно, если бы оказалось правдой. Потому что не о себе он беспокоился, когда отдал ее полиции, – только о ней, которую любил. Другое дело, чем обернулась эта его любовь. Выходит, против нее... Наверно, никогда не следует решать за других, каждый должен решать за себя. Жаль, на войне так не получается. На войне сплошь и рядом все решается за других. Сатанинская логика здесь правит правдой.

Он долго ехал во тьме, вслушиваясь в затаенную тишину леса. Ветра не было, лес не шумел. Лишь иногда что-то слабо ворошилось в деревьях – похоже, просыпались первые птицы. Или с вершины вниз падала шишка, подскакивая на сучьях. Сидеть верхом с больной, полусогнутой ногой было дьявольски неудобно. Спустя какое-то время лошадь вывезла его на твердую лесную дорогу. Здесь стало тише, за голову и плечи перестали цепляться сучья, и он подумал, что, возможно, скоро выберется в поле. Теперь, когда он остался без Зины, его спасителем оказалась лошадь. Эта заезженная, плешивая кобылка с белыми пятнами старых потеростей на загривке. Воронка, на котором он ездил в отряде, уже не вернуть. Будет ездить какой-нибудь полицай...

Эх, Зина, Зина!... Он понял, что не сможет справиться с уже возникшим чувством брезгливости. Ясно, что тогда на дороге поступил неправильно, не по-мужски. Но как было поступить правильно? Старался не дать ей погибнуть, в этом все дело. Все-таки и на войне жизнь имела собственную ценность и была дороже любви. Только живой здесь мог что-то значить, мертвый не значил ничего. Говорят, память! Но память – пыль на ветру, тень на песке. Пока ты живой – помнят, а умер – твое место займут другие. Те, кто ближе окажется.

Постепенно, однако, его заняли иные заботы, – прежде всего, как выбраться из леса? В этом районе он никогда прежде не был, но кое-что помнил по карте.

Короткая песня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Видимо, здесь проходил край огромной Волчанской пуши, из которой следовало пробираться на запад. Только бы добраться до поля, увидеть звезды. Небо укажет выход. В лесу выхода нет, ночью в лесу каждый – слепой...

Сначала Зина бежала по лесу, пока не влезла в сухую осоковатую заболоть, до дна высохшую за жаркие дни. Выбралась из жесткой, режущей ноги осоки, пошла медленнее, охваченная новым беспокойством – по пути сюда этой осоки вроде не было. Туда ли она идет? Казалось, в том же направлении, откуда пришла. Но лес вокруг будто изменился, – исчез березняк, не было и малинника, сквозь который она пробиралась. Возможно, однако, она до них еще не дошла...

Торопилась и то бежала, то несколько замедляла шаг. Беспокойство о Федоре подгоняло, и она мысленно представляла себе, как он там? Возможно, уже возненавидел ее. Потому что – было за что. Хотя, может, и не было. Разве она по своей воле – он приказал, и она послушалась. Конечно, могла и не послушаться, но тогда их песенка оказалась бы спетой...

Нет, он не переменится к ней, он умный и все понимает. Никогда прежде не дал повода усомниться в своем к ней чувстве. Откуда и почему это чувство, она не знала и особенно не пыталась узнать. Помнит, как-то весной на рассвете лежали в шалаше, на деревьях рядом проснулись, завели свои хоромы птицы, – так дружно и красиво пели... В ласковую минуту спросила, за что он полюбил ее? И Федор ответил, подумав: не знаю... Молодая ведь, и красивая... Ну, конечно, молодая и красивая, немного разочарованно подумала она. Прежде всего потому, что – красивая. Похоже, однако, этого мало, хотелось услышать больше. Но больше он не сказал ничего. Ладно, подумала она, – в другой раз. Другого раза не случилось.

Но где он? В лесу уже смеркалось, потемнело в кустарнике, почти темно стало в ольшаниковых зарослях, через которые она с трудом пробиралась. Наконец, выбравшись из них, поняла, что заблудилась. Хотелось крикнуть, чтобы он услышал, но не решилась. Где-то поблизости могла проходить дорога и там убитый полицейский, если его еще не забрали. А если прибрали, то могли оставить засаду. Крикнуть было нельзя.

Больно ударившись головой о низко торчащий сук, остановилась, а затем и упала. Ее охватило отчаяние – что ей делать? Где очутилась она и где командир отряда? Как же неосмотрительно они вчера поступили, сунувшись на то гumno. Как случилось, что он, который всегда был таким рассудительным, умным, которого все и всегда слушались, так опростоволохился? Правда, кое в чем он был и наивен, словно дитя, постоянно нуждался в заботе. Она и заботилась – о питании или об одежде. А то и в бою. Однажды спасла его, – сам об этом рассказывал. Когда выходили из Подневицкой блокады, он бежал впереди со своими разведчиками, она отставала, не успевая за ними. Ребята почти уже достигли лесочка, с фланга неожиданно выскочили немцы и развернули свой пулемет на сошках. Разведчики их не видели. И она из всех сил закричала “Федя!” – аккуратно за секунду до того, как огненные трассы замелькали наперерез. Федор упал. Потом говорил, что испугался ее отчаянного крика, подумал: ранена. А она закричала, испугавшись за него, и тем спасла его. Двух разведчиков там убило.

Здесь невозможно было ни крикнуть, ни позвать на помощь.

Плач ее вдруг сам собой прекратился. Как нередко случалось, после слёз наступило облегчение. Было уже почти темно. В лесу под соснами и вовсе ничего не было видно. Она снова пошла, опасаясь, как бы не наткнуться где-нибудь на полицию. Ясно понимала, второй раз им не спастись.

А может, полиция раньше нее обнаружила Федора? Если пошла по следам повозки, очень даже возможно. Но тогда что же выходит? Выходит, что он снова попал в их лапы, а она спаслась? Но это было бы ужасно. Что он подумает о ней?

Она уже не шла – слепо брела в ночной темноте, протянув вперед руки. Часто спотыкалась о какую-нибудь кочку или хворостину, которых здесь валялось немало. Хорошо, что нигде не напоролась на острый еловый сук, торчащий из комля. Даже приблизительное направление она окончательно потеряла и даже не пыталась угадать. Темные пятна в лесу – преимущественно от можжевельника – казались ей затаившимися живыми существами, и она подолгу вглядывалась: шевелится или нет? Казалось по-разному, но надо было идти. И она шла. Надеюсь где-нибудь наткнуться на лошадь, все-таки лошадь могла быть заметной и ночью. Но ни лошади,

Короткая песня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
ни человека нигде в лесу не было.

Она выбивалась из сил и часто останавливалась. От непрестанно досаждавших ей комаров уже не отмахивалась. Оцарапанные в зарослях ноги саднило, как от ожогов. Под утро упала в папоротнике и не нашла в себе сил подняться. Казалось, забылась на какую-нибудь минуту, а когда очнулась, увидела, что вокруг светло. Поблизости видны стали обступившие ее сосны, редкие рябинки меж ними. В растерянности поднялась, недолгое сонное забытие словно отрезвило ее. И она впервые явственно поняла, все – напрасно! Напрасно искать его, сломя голову бегать по лесу. Он исчез для нее навсегда. И ей почему-то не стало оттого страшно, – наверно, весь свой страх она пережила вчера. Стало горестно. Так горестно, как не было вчера, когда их схватили. Вот как сошлось, скрутилось в одно – жизнь и смерть, доброе и злое, не оставив капли надежды. Идти в отряд было мучительно стыдно, но куда же еще могла она пойти?

Как и ночью, побрела по лесу – между редких высоких сосен, по мягкому зеленому мшанику. Потом вышла на лесную просеку, вслушалась в таинственный гул проводов вверху. Телеграфная линия, видимо, вела в местечко, куда их вчера везли, и Зина свернула в негустой здесь подлесок. Вслушиваясь в загадочные звуки леса, сразу уловила дальний топот лошадиных копыт. Наверно, близко проходила дорога. Не та ли проклятая дорога?.. И она подумала, что, может, на дороге что-то поймет, прежде всего – в какую сторону идти. Или у кого-нибудь спросит...

Дорога оказалась совсем близко, за крохотной рощицей молодых березок. Ее невысокую насыпь девушка увидела с травянистой, поросшей редким кустарником низинки. На дороге вроде никого не было, и Зина остановилась. Тем временем совсем рассвело. Невидимое за лесом ярко светило утреннее солнце, в небе неподвижно застыли два крохотных облачка. Присев за кустиком, Зина недолго наблюдала за дорогой, соображая, куда податься? Вправо или влево? Или перейти на ту сторону. Она уже знала, что переход дороги – самое опасное дело. Но оставаться здесь нельзя – днем ее могли обнаружить. Тем более, что где-то поблизости возможна засада. Или патрули. А то еще в лесу устроят облаву...

Пока она рассуждала так, невдалеке на дороге появилась повозка. По мере того, как она приближалась, девушка все ниже склонялась к траве. Скоро стало видно, что в повозке, запряженной сивой лошадкой, сидел дядька в зимней шапке-ушанке. Он, не спеша ехал куда-то, пошевеливая вожжами. Босые его ноги свисали, казалось, к самой канаве. Когда подъехал ближе, Зина увидела немолодое, покрытое седой щетиной лицо. Понурый, озабоченный. Он был совсем рядом, и девушка поднялась из-за куста.

– Эй, постойте!..

Дядька вскинул голову, остановил повозку. Зина подошла к дороге.

– В какую сторону местечко? – спросила она, чтобы скрыть свой интерес.

– А тебе разве в местечко? – прошамкал он беззубым ртом, и она поняла, что ее хитрость не удалась.

– Мне в другую сторону.

– Другая сторона – там, – махнул он кнутом. – Деревня Войтовичи. Тебе туда?

Зина не успела ответить, как оба они встревоженно оглянулись. Из-за поворота показались два всадника, и она бросилась за канаву. На беду кустики оказались редкими, насквозь просматривались с дороги. Отбежать дальше не было времени, и она затаилась за крайним, наверно, не самым для того подходящим. На былинку возле ее руки откуда-то опустилась бабочка, похожая на двух вчерашних, с глазастыми крылышками. Девушка невидящим взором уставилась в нее, вся уйдя в слух. Стук копыт на дороге быстро приближался, она понадеялась, что всадники проедут мимо... Но нет, – они остановились, и вот совсем близко услышала грозный матерный бас:

– Кто здесь был?

– Где?

Короткая песня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Только что. На дороге!

– Так я не видел...

– Врешь! Кто был – тебя спрашивают?

Ну все, поняла Зина, она пропала. Окончательно и навсегда. Дед видел, куда побежала, и сейчас покажет. Надо же было ей к нему подходить...

Видно, старик упрямылся, наивно божился, что никого не видел. Один полицай продолжал допрос, а другой тем временем повернул лошадь назад.

– Да вот она, вот! – вскричал он совсем близко, и у Зины помутилось в глазах. Лошадь перескочила обросшую бурьяном канаву, едва не задев притаившуюся за кустом девушку. – Попалась, пташечка! А ну вылазь, твою мать...

Зина медленно поднялась, бросив прощальный взгляд на траву, – бабочки там уже не было. На дороге другой полицай хлестал кнутом старика, не пожелавшего сказать им правду. Старик молчал, прикрываясь вскинутой над головой рукой, и Зина подумала: вот еще жертва... Очень не вовремя вышла она к дороге. Видно, и родилась тоже не вовремя, – вот в чем дело...

Ранний летний рассвет застал Федора все на той же лесной дороге. Куда вела эта дорога – неизвестно, но ехать здесь было сподручнее, чем в бору или в зарослях. Лошадь пошла живее, надо крепче держаться, а это без седла, да с раненой ногой для него непрестанное мучение. Одной рукой он сжимал короткий клок лошадиной гривы, а в другой держал повод. Впрочем, повод мог бы и не держать, править тут было некуда, лошадь чуяла дорогу сама. Но он хотел скорее выбраться из леса, хотя и понимал, что в поле может быть хуже. Тем более что стало быстро светать, погасив звезды, светлой полосой между хвойных вершин прояснилось небо. Под этой, быстро светлеющей полосой он и ехал, привычно вслушиваясь в звуки пробуждающегося леса. Хотя звуков было немного – в хвойных дебрях редко водились птицы, их рассветные хоры звучали теперь в других местах. Лишь однажды где-то в чащобе проворковали и смолкли лесные голуби. Федор пожалел, что не успел потемну выбраться в поле, чтобы застать звезды. Утром без звезд не сориентируешься – рельеф незнакомый, а деревни лучше объезжать стороной. Особенно здесь, в прилесном районе, полно полиции. Рассветная пора для партизан – самое опасное время, все неожиданное большей частью случается на рассвете. Как и с ними вчера... Вот же втяпались, дурни битые, в который раз с отчаянием думал он. Поторопились, сократили путь. Но – Зина! Правда, она ни о чем не просила, не предлагала, да он и сам понимал, что ей надобно. То же, что и ему. Все-таки они любили друг друга... Прежде чем выбежать в поле, дорога спустилась в неглубокий овражек с болотистым берегом, в котором едва не завязла лошадь. Немалых усилий стоило Федору удержаться верхом, пока она кидалась из стороны в сторону, хлюпя ногами в раскисшей болотной жиже. Но потом стало сухо, лошадь ровно пошла по наезженной полевой дороге. Из-за чахлах кустиков на покато пригорке скоро открылось широкое ржаное поле. Рожь была так себе – местами погуще, а больше реденькая и низкорослая. Но все равно дружно красовалась в положенный свой час облепленными пылью колосками.

Уже совсем рассвело, и его могли увидеть издали. Федор напрягал память, чтобы узнать местность. И напрасно – ничего здесь вспомнить не мог, это поле видел впервые. Ехал настороженно, готовый ко всему. Хотя что бы он мог предпринять, если бы что-то случилось? Оружия у него не было, нога остро болела, возможности для спасения – кот наплакал. На что приходилось надеяться, кроме как на авось? И еще – на эту загнанную лошадку.

Пока что лошадка выручала. Показалось Федору, вместе с ним чутко вслушивалась, поводя коротенькими ушами. Но вот эти уши тревожно замерли, Федор бросил взгляд влево – за ржаным пригорком показалось несколько соломенных крыш – деревня. Дорога, несомненно, вела туда, и Федор круто повернул лошадь в рожь. Впереди, хотя и далеко ватно, зеленело несколько молодых сосенок.

Реденькая низкорослая рожь не могла скрыть его, беспокойно шуршала под ногами лошади. Федор уже немного отъехал от леса и наверняка стал виден из деревни. Надо поскорее убраться с этого поля, подумал он, нетерпеливо задергав поводом.

И тут над полем раздался крик. Что кричали, Федор не понял, но вполне мог догадаться. И он хлестнул поводом по натертому, в пятнах загривку. Крик прозвучал резко, угрожающе, – на пригорке во ржи появились два всадника, третий торопился вдогонку сзади. Они требовали остановиться. Вцепившись в лошадиную

Короткая песня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
гриву, Федор пригнулся, концом повода отчаянно нахлестывая лошадь. Из последних сил он скакал к сосенкам.

Преследователи его настигали, повернули чуть в сторону, наперерез, над полем вдали громыхнул первый выстрел. Федор не остановился. Гнал и гнал лошадь, почти физически ощущая, – следующий выстрел свалит его наземь. Но и следующая пуля пронеслась мимо, наверно, попасть в него на скаку было все же не просто. Третьего выстрела он не услышал, лишь в замешательстве ощутил, как, странно споткнувшись, припала на задние ноги лошадь. Чтобы не свалиться, Федор обхватил ее горячую шею, и в следующее мгновение он и лошадь рухнули вместе наземь. Падая, все-таки успел выхватить из-под лошади здоровую ногу, отпрянул в сторону. Минуту лежал на боку, растерянно наблюдая, как бьется о землю лошадь. Безуспешно пытаясь подняться, она рыла копытами землю, все больше заваливаясь на бок. Но вот ноги ее подломились, голова запрокинулась, из оскаленной пасти хлынула кровавая пена. Недолго и тщетно дергаясь, она оседала все ниже. По взмокшей от пота шее раз и второй пробежал нервный спазм, протяжный вздох вырвался из ее нутра...

Сторожкая тишина на короткое мгновение опустилась над полем, и в этой тишине Федор услышал вдруг нежную песнь жаворонка. С удивлением вскинул голову, но песнь тут же оборвалась, заглушенная близким матерным криком, – три всадника с направленными на него винтовками были уже рядом...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!